

УДК 82–7
DOI 10.17223/19986645/34/15

Н.В. Жиликова, Л.С. Выгон

ТРАДИЦИИ НОВИКОВСКОЙ САТИРЫ В ТОМСКОМ ЖУРНАЛЕ «ЕРШ» (1906–1907 гг.)

В статье анализируются сатирические журналы двух эпох – периода правления Екатерины II (журналы Н.И. Новикова «Трутень», «Живописец») и периода Первой русской революции 1905–1907 гг. (томский журнал «Ерш»). Прослеживается история создания и существования журналов, выделяются общие темы и жанры сатирических материалов. Авторы приходят к выводу, что заложенные Новиковым традиции сатиры оказываются востребованными в кризисные моменты развития русского общества, когда на первый план выходит задача формирования свободы слова.

Ключевые слова: сатира, свобода слова, Н.И. Новиков, «Ерш».

Расцвет сатирической журналистики в период Первой русской революции 1905–1907 гг. стал третьим этапом развития сатиры в России [1, 2]. Сатирики начала XX в. не просто унаследовали накопленный опыт, но и творчески развили традиции предшественников, что дает основание говорить о преемственности русской сатиры в самых разных аспектах, от тем и жанров до методов и подходов.

Необходимо отметить, что важность выявления традиций в русской сатире связана со следующими моментами. Несмотря на изменения в общественно-политической жизни страны за огромный период (с конца XVIII до начала XX в.), переход от крепостничества к капитализму, повышение уровня развития общества, в России в период Первой русской революции проявились так и не решенные обществом задачи. Одной из них по-прежнему являлось формирование свободы слова. Эта задача постоянно выходила и выходит в России на первый план в кризисные моменты общественной жизни, и особенно во время революционных потрясений. В эти периоды русские журналисты обращаются – сознательно или интуитивно – к типологически одинаковым методам осмысления процессов и явлений. Эта тенденция особенно заметна на примере русской сатирической журналистики, в которой преемственность играет особую роль. Она дает возможность представить масштаб явлений, увидеть эволюцию определенных процессов – либо обнаружить неизменность отрицательных или положительных сторон, типов, ситуаций русской жизни как в XVIII в., так и в 60-х гг. XIX и начале XX в.

Цель настоящей работы – выявление традиций сатиры, сформированных в творчестве Н.И. Новикова (журналы «Трутень», «Живописец»), в журнале «Ерш» периода Первой русской революции 1905–1907 гг. Основными методами работы являются: анализ текстов журналов двух периодов, 60–70-х гг. XVIII и начала XX в.; типологический анализ, позволяющий найти общее в столь несходных на первый взгляд журналах (столичные петербургские – и провинциальный томский; просветительно-нравоучительные – и обществен-

но-политический и т.д.); метод сопоставительного анализа, выявляющий общие сатирические приемы в исследуемых журналах.

Последовательно рассмотрим журналы Н.И. Новикова («Трутень», «Живописец», Санкт-Петербург, 1769–1771 гг.) и журнал М.С. Попова («Ерш», Томск, 1906 г.).

История создания и содержание «Трутня» и «Живописца» хорошо известны благодаря трудам таких исследователей, как П.А. Ефремов, Г.В. Вернадский, В.П. Семенников, П.Н. Берков, Г.П. Макогоненко, А.В. Западков. Появление «Трутня» было неразрывно связано с выходом в свет в январе 1769 г. журнала «Всякая всячина», издававшегося секретарем Екатерины II Г.В. Козицким и содержавшего (что было очевидно современникам) преимущественно статьи самой императрицы – анонимные или скрытые под различными псевдонимами.

В редакционной статье, открывшей первый номер «Всякой всячины», говорилось: «Мой дух восхищен: я вижу будущее. Я вижу бесконечное племя Всякия всячины. Я вижу, что за нею последуют законные и незаконные дети; будут и уроды ее место со временем заступать» [3. С. 17]. Таким образом Екатерина II вызвала к жизни множество подражателей, большая часть которых не слишком заботилась об оригинальности своих изданий; это были такие журналы, как «И то, и сё» М.Д. Чулкова, «Ни то, ни сё» В.Г. Рубана и др. На их фоне «Трутень» изначально – уже благодаря своему яркому образному названию – стоял особняком.

Эпиграфом к номерам журнала, издававшегося на протяжении 1769 г., стала строка из басни А.П. Сумарокова «Жуки и пчелы» – «Они работают, а вы их труд ядите». В программной первой статье Н.И. Новиков расшифровывает название журнала, отзываясь о себе как о человеке бездеятельном, ленивце, который по целой неделе просиживает дома «для того только, что лень одеться». Эта гиперболизированная клевета на себя имеет очевидно-сатирический характер, она позволяет автору показать неприглядность доступных для дворянина видов службы («Придворная всех покойнее и была бы легче всех, ежели бы не надлежало знать науку притворства гораздо в высшей степени, нежели сколько должно знать ее актеру» [3. С. 46]).

Авторский состав редакции «Трутня» до сих пор является предметом полемики между учеными [4. С. 224], поскольку многие произведения публиковались в журнале анонимно либо под «говорящими» псевдонимами (Чистосердов, Огорченной и др.). Вероятно, основной массив текстов в журнале написан самим Новиковым, однако в создании номеров издания принимали участие и другие авторы, такие как Д.И. Фонвизин, Ф.А. Эмин, М.И. Попов, А.О. Аблесимов.

Основными достоинствами журнала, сделавшими его крайне популярным, были, во-первых, острая полемика «Трутня» со «Всякой всячиной» о характере и задачах сатиры, во-вторых, крайне личный, приватный характер общения журнала со своей аудиторией, что делало особенно ярким обсуждение самых больных и острых вопросов современного «Трутню» общества.

Вопрос о характере сатиры был впервые поднят «Всякой всячиной» в 53-м листе, где автор Афиноген Перочинов (под этим псевдонимом скрыва-

лась Екатерина II) сообщает, как встретил в обществе человека, которого описывает следующим образом:

Везде он видел тут пороки, где другие, не имея таких, как он, побудительных причин, насилу приглядеть могли слабости, и слабости, весьма обыкновенные человечеству. Ибо все разумные люди признавать должны, что один бог только совершен; люди же смертные без слабостей никогда не были, не суть и не будут. Но ворчаливое самолюбие сего человека изливало желчь на все то, что его окружало. <...> После, размышляя о сем происшествии с большим примечанием, расстались, обещав друг другу: 1) Никогда не называть слабости пороком. 2) Хранить во всех случаях человеколюбие. 3) Не думать, чтоб людей совершенных найти можно было, и для того 4) Просить бога, чтоб нам дал дух кротости в снисхождении. <...> Я хочу завтра предложить пятое правило, а именно, чтобы впредь о том никому не рассуждать, чего кто не смыслит; и шестое, чтоб никому не думать, что он один весь свет может исправить [5].

Разные исследователи по-разному трактуют этот выпад императрицы, одни считают его направленным лично против Н.И. Новикова, другие полагают, что он был адресован А.П. Сумарокову.

О.Б. Лебедева отмечает: «В характерном для текстов Екатерины приказном тоне здесь отчетливо сформулирована концепция так называемой «улыбательной сатиры»: сатирик – добродушный остряк, снисходительный к человеческим слабостям, сатира – безличная, легкая ирония по поводу несовершенства человеческой природы, не претендующая на серьезное исправление нравов» [6. С. 173].

Господин Трутень ответил на это не лично, а «письмом читателя», господина Правдулюбова (за псевдонимом скрывался Н.И. Новиков):

Господин Трутень!

Второй ваш листок написан не по правилам вашей прабабки. Я сам того мнения, что слабости человеческие сожаления достойны; однако ж не похвал <...>. Многие слабой совести люди никогда не упоминают имя порока, не прибавив к оному человеколюбия. Они говорят, что слабости человекам обыкновенны и что должно оные прикрывать человеколюбием; следовательно, они порокам сшили из человеколюбия кафтан; но таких людей человеколюбие приличнее назвать пороколюбием. По моему мнению, больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, который оным снисходит или (сказать по-русски) потакает <...> Еще не понравилось мне первое правило упомянутой госпожи, то есть, чтоб отнюдь не называть слабости пороком, будто Иоан и Иван не все одно. <...> Пьянствовать также слабость, или еще привычка; однако пьяному можно жену и детей прибить до полусмерти и подрасть с верным своим другом. Словом сказать, я как в слабости, так и в пороке не вижу ни добра, ни различия. Слабость и порок, по-моему, все одно; а беззаконие дело иное.

<...> Может статья, скажут г. критики, что мне как Трутню с Трутнем иметь дело весьма сходно; но для меня разумнее и гораздо похвальнее быть

Трутнем, чужие дурные работы повреждающим, нежели такую пчелю, которая по всем местам летает и ничего разобрать и найти не умеет [З. С. 58].

Отметим, что подобный приём «письма в редакцию» нередко используется Новиковым, кроме того, в журнале встречались статьи, представляющие собой якобы частные письма из личного архива издателя «Трутня» (например, письма от дядюшки издателя) или попавшие к нему случайно (письмо «доброжелателя Прямикова», переславшего издателю «присланную из деревни от приятеля грамотку»). Таким образом, издатель «Трутня» чаще всего оставался в позиции объективного и беспристрастного посредника между своими читателями и авторами. Мы видим некоторую дистанцию между господином Трутнем-издателем и его корреспондентами (отметим, что эта дистанция ощущается даже при том условии, что и корреспонденция, и примечания издателя принадлежат перу одного автора – Н.И. Новикова). Сам господин Трутень (в отличие от госпожи Всякой Всячины, пересказывающей чужие разговоры, подмечающей различные бытовые ситуации и выражающей своё мнение на этот счёт) почти не давал наставлений впрямую, а действовал опосредованно, с помощью аллегорий и параллелей с частной жизнью «многих корреспондентов». Именно такой подход делал характер статей более личным, интимным, создавал у читателя иллюзию вовлеченности в некие семейные, приватные дела издателя и его авторов. Узнаваемость описываемых ситуаций, которые были типичными для своего времени (разорение крестьян помещиками, мотовство молодых дворян, взяточничество судей и др.) усиливала этот эффект.

Трутень-издатель подчеркивает свое положение «над схваткой». Так в отношении приведенной выше полемики между Афиногеном Перочиновым и господином Правдулюбовым сам господин Трутень высказывается следующим образом:

Издатель «Трутня» обещался публике во своих листках не сообщать иных, как только ко исправлению нравов служащие сочинения; либо приносящие увеселение. О сем по сие время всевозможное он прилагал попечение; и уверяет, что и впредь брани, не приносящие ни пользы, ни увеселения, в его листках места имети не будут. Ради чего издаека и с улыбкою взирает он на брань «Всякия всячины», относящуюся к лицу г. Правдулюбова: ибо сие до него, как до чужих трудов издателя, ни почему не принадлежит; а только с нетерпеливостию желает он узнати, как таковые наполнения сих весьма кратких недельных листков благоразумными и беспристрастными читателями приняты будут [З. С. 67].

Отношение к «сатире на лицо» также высказывается в журнале не напрямую от лица господина Трутня, а косвенно, через то, как его деятельность понимает его читатель и корреспондент Правдулюбов:

Г. издатель!

Я уверен, что вы ненавистник пороков и порочных и что вы не следуете мнению утверждающих, что порочного на лицо критиковать не надлежит, но вообще порок, да и то издаека и слегка. <...> Меня никто не уверит и в том,

чтобы Мольеров Гарпагон писан был на общий порок. Всякая критика, писанная на лицо, по прошествии многих лет обращается в критику на общий порок; осмеянный по справедливости Кашей со временем будет общий подлинник всех лихоимцев [З. С. 137].

В этой же статье автор уточняет, что «критика на лицо» не должна приводить к тому, чтобы опозорить конкретного человека, поскольку это не приведет к нужному результату – исправлению нравов:

Я утверждаю, что критика, писанная на лицо, но так, чтобы не всем была открыта, больше может исправить порочного. В противном же случае, если лицо так будет означено, что все читатели его узнают, тогда порочный не исправится, но к прежним порокам прибавит и еще новый, то есть злобу. Критика на лицо без имени, удаленная поелику возможно и потребно, производит в порочном раскаяние; он тогда увидит свой порок и, думая, что о том все уже известны, непременно будет терзаем стыдом и начнет исправляться [З. С. 138].

При этом, однако, иногда господин Трутень выступал не только как издатель, но и как герой статей, в результате чего, находясь одновременно в этих двух качествах, вступал в полемику сам с собой. Начало такой полемики можно увидеть в приведенном выше письме господина Правдулюбова: «мне как Трутню с Трутнем иметь дело весьма сходно». Более полно этот спор разворачивается на XXXII листе «Трутня», где в форме диалога «Трутень и Я» продолжается разговор о том, насколько требовательным может позволить себе быть сатирик:

Трутень

Да ведь и знатные господа такие же, как и мы, человеки и, следовательно, тем же подвержены слабостям. Так как же ты хочешь, чтобы они не делали ни малейших погрешностей; <...> По твоему мнению, знатный господин должен быть больше человека.

Я

Нет: я хочу, чтобы он был только человек, но человек, поелику отличен от прочих знатностию своего сана, потолику бы отличался и добродетелию; чтобы, восходя на степень знатности, не позабывал, что те бедные, от коих он отличен, остались еще такими ж бедными и что они требуют его помощи, так же как и он сам требовал, в подобном находясь состоянии; <...> чтобы не откладывал того до завтра, что нынче может сделать, ради того, что нужда времени не терпит [З. С. 163].

Новиковское понимание сатиры как средства для исправления нравов, проявленное через статьи, имеющие характер личной переписки, наиболее ярко раскрылось в «Копиях с отписок старосты к помещику» (письма крестьян своему помещику и ответы на них), якобы присланных в редакцию господином Правдиным.

Вероятно, именно публикация «Отписок», а также продолжившаяся полемика о сути и характере сатиры (в статьях «Всякой всячины» и «Трутня»,

начинающихся одинаковой строчкой «Некогда читал некто следующую повесть...») привела к тому, что издание «Трутня» было приостановлено на месяц. После возобновления работы журнала острота публикаций «Трутня» несколько снизилась, однако редакция продолжала тем или иным образом выражать свою позицию, зачастую опосредованно – все через те же «письма читателей», критиковавших издателя за то, что журнал стал менее злободневным.

В 1770 г. журнал продолжил выходить, однако сменился эпиграф: «Опасно наставленье строго, где зверства и безумства много». Эти строки, как и первый эпиграф, принадлежали перу А.П. Сумарокова и давали читателю понять, что «Трутень» не может более выступать с такой жесткой критикой и актуальной сатирой, как это было в предыдущем году.

Закрытие в апреле 1770 г. «Всякой всячины» стало знаком того, что императрице перестала быть интересной журналистика, следовательно, исчезла и необходимость в существовании других сатирических журналов. В последнем номере «Трутня» издатель обратился к аудитории со словами «Против желания моего, читатели, я с вами разлучаюсь», явно намекая на невозможность дальнейшей работы из-за ужесточившейся цензуры [3. С. 246].

Таким образом, новиковский «Трутень» для российских сатириков конца XVIII и на протяжении всего XIX в. был образцом боевого, остро актуального в общественном плане, полемически заостренного и оппозиционного по отношению к власти издания, выдвинувшего на первый план «сатиру на лицо», считающего сатиру важным средством воздействия на общество. В этом отношении на «Трутень» ориентировались и сатирики «Искры» и «Гудка» 1860-х гг., и М.Е. Салтыков-Щедрин в конце XIX в. Традиции новиковской сатиры оказались востребованы и в начале XX в., во время расцвета сатирической журналистики в период Первой русской революции 1905–1907 гг.

Сатирические журналы этого периода, с одной стороны, не раз попадали в сферу внимания исследователей, с другой же – многие из них до сих пор являются малоизученными, особенно провинциальные российские журналы. В этом отношении особый интерес представляет томский сатирический журнал «Ерш», в котором явно прослеживается ориентация на новиковские традиции сатиры, что проявилось и в подходе к «самопрезентации», и в жанровом аспекте; можно увидеть и некоторую тематическую перекличку этих журналов, отделенных друг от друга более чем веком.

Несколько слов об истории «Ерша». «Летучий сатирический листок», а впоследствии «еженедельный журнал сатиры и юмора» «Ерш» издавался в Томске местным журналистом М.С. Поповым (он же – М.С. Кларин) в 1906–1907 гг. Он был преобразован из газеты «Томский вечерний листок», и история обновленного издания началась со схватки с цензурой: первый же номер «Ерша» от 20 мая 1906 г. был немедленно запрещен томским цензором из-за материала «Сказочка об одном короле и многих подданных» [7. Л. 202]. Томский полицмейстер докладывал, что номер был изъят из продажи в количестве 516 экземпляров [7. Л. 203], из чего мы можем сделать вывод о том, что тираж первого выпуска «Ерша» был в любом случае не меньше этой цифры.

Всего в 1906 г. вышло 19 номеров «летучего сатирического листка»; в 1907 г. «Ерш» был объявлен «еженедельным журналом сатиры и юмора»,

вышло всего три номера. Первоначально «Ерш» выходил в типографии В.М. Перельмана, однако в ноябре 1906 г. владелец типографии отказался от печатания издания по «независящим обстоятельствам». Выпуск газеты был временно приостановлен, издатель подумывал о переводе ее в Новониколаевск (см.: Сибирская мысль. 1906. № 27). Однако в декабре 1906 г. выход был найден – «Ерш» стал печататься в томской типографии «Конкуренция». Но уже 1 марта 1907 г. в этой типографии был произведен обыск, весь тираж «Ерша» и шрифты были изъяты, станки опечатаны. Эта информация также была опубликована в газете «Сибирская мысль» в 1907 г., в № 105. После выхода трех номеров в 1907 г. выпуск «Ерша» был приостановлен «на все время военного положения» за «вредное направление», непосредственной же причиной гнева томского генерал-губернатора, постановлением которого выпуск журнала был прекращен, явилась статья «Христос на земле», поскольку в ней были «допущены кощунственные суждения, касающиеся основных догматов православной церкви» (Сибирская мысль. 1907. № 117).

Кроме М.С. Попова, в работе над журналом принимали участие Е.А. Бахарев, Г.А. Вяткин, К.В. Дубровский, П.А. Казанский, В. Курицын, И.Я. Петров, В.Ф. Смолин. Большинство из них сотрудничали также в других томских изданиях – газете «Сибирская жизнь», сатирических журналах «Осы» и «Бич».

Сатира «Ерша» была нацелена прежде всего на отражение местной жизни. Выборы в городскую думу, создание томских партий, деятельность держателей местных гостиниц и портреты предприимчивых томичей, томский черносотенный погром 1905 г. и литературная борьба сатирических журналов Томска – весь этот местный материал был неисчерпаемым источником вдохновения для сатириков «Ерша».

От всех предыдущих (и последующих) томских журналов «Ерш» отличался особым подходом к самопрезентации издания. В нем был применен распространенный в русской сатирической журналистике, начиная с Н.И. Новикова, прием «одушевления» журнала: «Ерш» стал действующим лицом, автором и героем материалов. Первый номер открывался стихотворением «Завещание «Ерша», в котором автор обращался к читателям с просьбой «не править тризну», если ерша проглотит окунь или щука:

Скажите лишь только, что плавал я смело,
Свободно я плавал в речной глубине.
Скажите, что я гражданин был свободный,
Что реку родную я страстно любил.
За это сожрал меня окунь, за это
Я буйную голову рано сложил (Ерш. 1906. № 1).

Место редакционной статьи в первом номере заняла публикация «Ерш-задира» М.С. Попова, который выступил под псевдонимом «М.С. Кларин». В ней он давал аллегорическую характеристику ерша-рыбы:

Ерш – рыба малая, некрасивая, но вкусная. Живет в проточных реках, а не в стоячей воде, избегает болот и тины и свободно плавает в речной глуби,

не боясь зубастых щук и прожорливых окуней. <...> К пчелам относится сочувственно за их трудолюбие и терпение (Ерш. 1906. № 1).

Как и у Новикова, поповский Ерш не самый положительный герой: он неудобен властям, он «невкусный», «колючий», «горластый»; но если основная характеристика Трутня, по Новикову, – это его лень и «взгляд со стороны», то Ерш отличается крайней общественной активностью. Большое место в описании героя статьи занимала характеристика его политических взглядов. Попов обращал внимание на следующие моменты:

Ерш-задира не принадлежит ни к каким политическим партиям. Он презрительно лавирует между брюхом толстого откормленного буржуя-окуня и широко раскрытой пастью противной щуки. <...> Он – прогрессист. К сильным рыбам чувствует глубокую ненависть. Рыб-генералов совсем не признает. <...> Свободу считает единственным благом и ведет широкую пропаганду среди идеалистов-карасей, добродушных чебаков и смиренной сороги. Даже рыбье офицерство прислушивается к его смелым речам о том, что вода принадлежит вообще всем рыбам, которые и должны сами устраивать свою общественную и государственную жизнь (Ерш. 1906. № 1).

М.С. Попов (Кларин) использовал в своей статье традиционные сатирические методы, вызывающие в памяти читателя знаменитые «сказки» М.Е. Салтыкова-Щедрина, особенно «Премудрого пескаря». С их помощью журналист дал читателям возможность оценить позицию нового издания как беспартийного органа печати, который сочувственно относится к рабочему классу (образ пчел как рабочих, четко выстроенный Д.И. Писаревым в его знаменитом памфлете 1860-х гг. «Пчелы») и готов к борьбе за политическую свободу.

Сквозной образ «Ерша-задиры» внутренне организовывал пространство журнала. Так же, как и новиковские «Трутень» и «Пустомеля», «Ерш» становится одним из главных действующих персонажей журнала. В номерах 5 и 12 были опубликованы стихотворения «Из песен «Ерша», в которых проводилась идея отстаивания своих убеждений, верности идеям в самых неблагоприятных обстоятельствах, необходимости революционной борьбы:

Пусть шипят ненавистные гады,
Пусть сползаются в кучи кольцом, –
Не отнять им добытой отрады
Ни секирой, ни острым мечом (Ерш. 1906. № 1).

Политическая ориентация «Ерша» была довольно расплывчатой – в этом смысле он, как и «Трутень», оставался «над схваткой», не поддерживая какой-либо конкретный лагерь. В журнале встречаются сатирические высказывания и по поводу томских кадетов (см., например, карикатуры на первых страницах «Ерша» в № 2 за 1906 г.), и по поводу октябристской газеты «Время» («Действие происходит в редакции газеты «Время» – Ерш. 1906. № 7; «На местные темы» – Ерш. 1906. № 10), и по поводу социал-демократов («Молитва эс-дека» – Ерш. 1906. № 2; «Мать социал-демократки» – Ерш.

1906. № 13), а также эсеров («Эпитафия» – Ерш. 1906. № 2). Это позволяет согласиться с исследователем сатирической журналистики периода Первой русской революции А.А. Ниновым, который писал, что «попытка провести прямую аналогию между политическим направлениями и направлениями сатирических изданий <...> искусственна и не отвечает реальному положению вещей. При всей пестроте политических оттенков русская сатира 1905–1907 гг. не знала слишком строгой и жесткой дифференциации. Вызванная к жизни подъемом русского движения, она в массе своей воодушевлялась общедемократическими требованиями и идеалами, объединявшими разные политические силы» [1. С. 24–25].

В «Ерше» не было четкой структуры, из постоянных разделов можно выделить: «Что делают в провинции?», «Правда ли?», «Почта «Ерша», «Мелочи», «Эпиграммы», однако и они встречались не в каждом номере. Публиковались и иллюстрации – карикатуры.

Тематическая перекличка «Трутня» и «Ерша» прослеживается прежде всего в сочувственном отношении к трудящемуся народу: крепостному крестьянству в первом случае, к пролетариям – во втором. Также можно отметить четко соблюдающийся принцип «сатиры на лица», который отстаивал Новиков в своем журнале: «Ерш» не останавливался на изображении «пороков вообще», он всегда пытается определить виновника происходящего и в этом отношении идет дальше, чем «Трутень», дававший «критику на лицо без имени». Так, в материале «Вместо передовой» (Ерш. 1906. № 7), описывая анекдотический случай с подменной ценной рыбы, осетра, на дешевого ерша для приготовления ухи для солдат (осетра тем временем приготовили для офицеров), журналист приводит фамилии конкретных людей, ответственных за снабжение «низших чинов», опирается на реальные жизненные факты. Но при этом основные причины происходящего он видит в самом социальном строе, при котором «вышестоящие» могут оставаться безнаказанными в любых ситуациях, и не только той, которая описана в публикации.

На жанровом уровне «Трутень» и «Ерш» значительно отличались друг от друга. В отличие от Новикова, в чьем сатирическом арсенале преимущественно были письма, объявления, рецепты, диалоги, Попов активно использовал стихотворные жанры, пародии, анекдоты, публиковал карикатуры и т.д. Общий жанр можно обнаружить у «Ерша» и новиковского «Живописца» – это жанр словаря. Как в «Опыте модного словаря щегольского наречия» (Живописец. 1772. Л. 10), так и в «Опыте словаря социальных положений» (Ерш. 1906. № 4, 5) жанр используется для характеристики вредных общественных явлений, для политической полемики.

Сопоставление «Трутня» и «Ерша», конечно, не может быть непосредственным и прямолинейным: речь идет скорее о понимании издателями своей задачи как миссии по исправлению нравов, об общих принципах и подходах, об отдельных чертах, которые роднят эти два сатирических журнала. Хотя отдельные моменты сходства зеркально отразились в истории изданий: так, оба они выходили в течение двух лет – «Трутень» издавался в 1769–1770 гг., «Ерш» в 1906–1907 гг.; оба издания были прекращены насильственным путем из-за своего оппозиционного характера. И «Трутень», и «Ерш» в большей

мере отразили позицию своего издателя-редактора (Н.И. Новикова в первом случае, М.С. Попова – во втором), нежели всего редакционного коллектива.

«Ерш» вобрал в себя традиции не только новиковской сатиры, но и всего богатого сатирического наследия XVIII–XIX вв. Здесь можно проследить и мотивы курочкинской «Искры» (особенно это заметно на уровне псевдонимов – подобно «Гейне из Тамбова» в «Ерше» появляется свой «Гейне из Уржатки»), увидеть отсылку к добролюбовским «Пчелам»; отчетливо заметны щедринские традиции в характеристиках действующих лиц, в описании ситуаций, в конструировании развернутых аллегорий (русское общество как «рыбье царство») и т.д. Тем не менее основной подход к формированию внутреннего пространства журнала, «одушевление» его берет начало именно с новиковского «Трутня».

Насколько сознательным было обращение Попова к наследию Новикова, сказать в настоящий момент нельзя; однако обращает на себя внимание тот факт, что сам тип подобного издания был актуализирован в кризисной ситуации, когда происходило формирование свободы слова. И во времена Екатерины II, и в период Первой русской революции общество требовало открытого обсуждения возникающих проблем, выяснения «лиц», виновных в определенных ситуациях, но сталкивалось с цензурой, запретами, требованиями «улыбательной» сатиры. Журналы, говорящие со своим читателем «эзоповым языком», пользовались в этой ситуации большей свободой, чем общественно-политические издания, и потому были востребованы и авторами, и аудиторией. Исследование сатирических традиций XVIII–XIX вв. в журналах периода Первой русской революции 1905–1907 гг. дает возможность проследить преемственность и развитие русской сатиры, оценить востребованность накопленного опыта сатирического диалога с читателем в новых общественно-политических условиях.

Литература

1. Нинов А.А. Русская сатирическая поэзия 1905–1907 годов // Стихотворная сатира первой русской революции (1905–1907). Л., 1985. С. 5–102.
2. Жуков В.Ю. Сатирическая журналистика периода Первой российской революции как исторический источник (на материалах Петербурга): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1991. 24 с.
3. Сатирические журналы Н.И. Новикова / под ред. П.Н. Беркова. М.; Л., 1951. 616 с.
4. Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. М., 1999. 453 с.
5. Западов В.А. Русская литература XVIII века, 1770–1775: хрестоматия. М., 1979.
6. Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века. М., 2000. 415 с.
7. ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 188–203.

NIKOLAY NOVIKOV'S SATIRICAL TRADITION IN TOMSK MAGAZINE YORSH (1906–1907).

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 2(34), pp. 184–194.

DOI 10.17223/19986645/34/15

Zhiliakova Nataliya V., Vygon Liliya S., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: retama@yandex.ru / lilya-vygon@yandex.ru

Keywords: satire, freedom of speech, N.I. Novikov, Yorsh.

The work uncovers how the tradition of satire, formed in the publications of N.I. Novikov (his magazine *Truten'* ('Drone')), was revived in Tomsk magazine *Yorsh* ('Ruff') which was published during the period of the First Russian Revolution, 1905–1907.

History and content of the *Truten'* magazine is well known due to the works of such researchers as P.N. Berkov, G.P. Makogonenko and others. The essential advantages of the magazine, which made it extremely popular, were, firstly, a sharp *Truten'* polemic about the nature and objectives of satire with the magazine *Vsyakaya Vsyachina* ('All Sorts and Sundries') issued by Catherine II; secondly, a very personal, private nature of the communication with its audience that made the discussion upon the most painful and sensitive points of the society, contemporary to *Truten'*, especially vivid.

Novikov's *Truten'* was a model of combative, socially urgent, polemically sharpened and oppositional media for Russian satirists of the end of the 18th and throughout the 19th centuries. It insisted on the importance of "satire on a person" (personalized ridiculing) as an important means of society improvement. That was the reason why satirists of *Iskra* ('Spark') and *Gudok* ('Buzzer') in the 1860s and M.E. Saltykov-Shchedrin at the end of the 19th century regarded *Truten'* as an example. Novikov's tradition of satire also happened to be in demand at the beginning of the 20th century, during the flourishing of satirical journalism in the First Russian Revolution of 1905–1907.

The provincial Tomsk magazine *Yorsh*, published in 1906–1907, was largely guided by Novikov's satirical tradition. It used a method of "animation" of the magazine which (starting with N.I. Novikov) was widely spread in Russian satirical journalism: *Yorsh* ('Ruff') became a personage, an author and a hero of the articles. *Truten'* tradition in *Yorsh* reveals in its sympathy for the working people, in the principle of personalized satire, in the aspect of genres.

Comparison of *Truten'* and *Yorsh* can not be direct and straightforward: it is more about understanding the publisher's mission to correct morals and manners, about general principles and approaches, about individual features which connect the two satirical magazines. *Yorsh* absorbed not only Novikov's satirical traditions, but also those from the rich satirical heritage of the 18th and 19th centuries. Nevertheless, the basic approach to the creation of the inner space of the magazine, its "animation" originates from Novikov's *Truten'*.

It is no coincidence that the very type of those magazines was demanded in the situation of crisis, during the freedom of speech formation. In the time of Catherine II and during the First Russian Revolution, society needed an open discussion of emerging issues, wanted to define personal responsibility for certain situations, but faced censorship, restrictions, requirements of "smiling" satire. Magazines speaking "Aesopian language" to their readers were more free in this situation than socio-political publications and, therefore, were more popular among both authors and the audience. Thus, in the critical moments of Russian society evolution when the problem of freedom of speech formation is brought to the forefront, satirical traditions established by N.I. Novikov become especially topical for public opinion and civic society.

References

1. Ninov A.A. *Russkaya satiricheskaya poeziya 1905–1907 godov* [Russian satirical poetry, 1905–1907]. In: *Stikhotvornaya satira pervoy russkoy revolyutsii (1905–1907)* [Verse satire of the first Russian revolution (1905–1907)]. Leningrad: Sovetskiy pisatel' Publ., 1985, pp. 5–102.
2. Zhukov V.Yu. *Satiricheskaya zhurnalistika perioda Pervoy rossiyskoy revolyutsii kak istoricheskiy istochnik (na materialakh Peterburga)*: avtoref. dis. kand. istor. nauk [Satirical journalism during the First Russian Revolution as a historical source (on materials of Petersburg)]. Abstract of History Cand. Diss.]. Leningrad, 1991. 24 p.
3. Berkov P.N. (ed.) *Satiricheskie zhurnaly N.I. Novikova* [Satirical magazines of N.I. Novikov]. Moscow – Leningrad, 1951. 616 p.
4. Gukovskiy G.A. *Russkaya literatura XVIII veka* [Russian literature of the 18th century]. Moscow: Aspekt Press Publ., 1999. 453 p.
5. Zapadov V.A. (ed.) *Russkaya literatura XVIII veka, 1770–1775. Khrestomatiya* [Russian literature of the 18th century, 1770–1775. Anthology]. Moscow: Prosveshcheniye Publ., 1979.
6. Lebedeva O.B. *Istoriya russkoy literatury XVIII veka* [The history of the 18th-century Russian literature]. Moscow: Akademiya Publ., 2000. 415 p.
7. State Archive of Tomsk Oblast (GATO), Fund 3. List 12. File 693. Pages 188–203.